

Утром двадцать девятого августа Катя ехала в колледж на задней площадке переполненного автобуса, зажав огромный баул между трясущимися коленками. Сумка вышла не такая уж и тяжелая: одеяло, подушка и немного посуды, но к ней прилагался еще большой рюкзак, набитый одеждой по сезону. Тетради и постельное белье планировалось купить на месте.

«Зимнюю одежду заберешь как-нибудь на выходных, когда навестить приедешь, — как бы невзначай сказала мама, помогая Кате собирать вещи. — Тут недалеко, всего сто километров». Катя хотела спросить, как это за месяц с небольшим расстояние от Барнаула до Новосибирска сократилось от «дура ты набитая, Катька, в такую даль поперлась, это кошмар, немедленно едем забирать документы» до «всего каких-то там сто километров», но промолчала. Она догадывалась, что мама и так чувствует себя виноватой. Билеты на междугородний автобус взяли еще неделю назад, но вечером перед отъездом мама неловким, извиняющимся тоном сообщила, что сдала свой.

«Понимаешь, у меня работа в ночь... Выходной не дали... Я тебе денег на такси переведу! Выйдешь из автобуса — сразу иди на стойку информации, там закажешь машину. К бомбилам не подходи — они тебя облапошат. Поняла? Запомнила? На стойку информации!»

Катя слушала и кивала. Она знала, что дело не в выходном. Макс за лето окончательно отбился от рук. Поначалу матери удавалось держать его в узде угрозами («В сентябре будешь ходить в школу с бабушкой за ручку») и обещаниями («Хорошо закончишь девятый класс — купим тебе новый компьютер»), но уже к августу Макс все надоело. Он хамил маме и Кате, хлопал дверью, возвращался домой за полночь, воняя пивом и табаком. Говорить по телефону уходил на балкон, а за пару дней до Катиного отъезда мама, стирая одежду, нашла в его джинсах тугой сверток денег, перетянутых резинкой. Крик стоял на весь дом. Макс сначала отмазывался, говорил — не его, друзья просили передать, потом выверился, выхватил деньги у мамы из рук и ушел. Всю ночь мама просидела на кухне с телефоном в руках, рыдая. «Позвонить в полицию, Катък, — беспомощно спрашивала она, — или не надо? Ну ведь всю жизнь парень себе рушит... Катък, позвонить?» Кате казалось, что она сходит с ума. В полпятого утра в замке повернулся ключ. Макс вошел, стащил кроссовки и бросился на диван, накрывшись одеялом с головой. Мама облегченно выдохнула и снова заплакала, теперь уже беззвучно. Катя пошла спать, малодушно бросив мать наедине с ее горем. Теперь она еще больше радовалась предстоящему отъезду.

На вокзале стало жалко денег на такси, тем более остановка была совсем недалеко. Самым сложным оказалось протащить разбухшую от ватного одеяла царь-сумку сквозь узкую автобусную дверь. Потом пришлось немножко поругаться с билетершей, яростно доказывая, что баул, хоть и занимает весь проход, на самом деле очень маленький и, если ужать его ногами, прекрасно впишется

в параметры бесплатного провоза багажа. После демонстрации сжатия тетка презрительно фыркнула и убралась в начало салона. Катя, довольная победой, воткнула наушники в телефон и откинулась на спинку сиденья.

Почему-то она ожидала, что автобус будет пустым, как в июне. Но на каждой остановке заходили парни и девушки, у многих тоже были рюкзаки и баулы. На барахолке в салон набилось столько народу, что билетерша только беспомощно кричала со своего кресла: «Оплачиваем за проезд, передаем, показываем проездные!» — не имея возможности что-то по-настоящему проверить. Наконец автобус прибыл на конечную. Катя, с трудом разогнув ноги, вылезла последней, кое-как протолкнув в дверь сумку. Отошла от остановки и сбросила ее на пыльную пожухлую траву на обочине. Теперь нужно было закинуть рюкзак на плечи и как-нибудь дотащить все это до общежития — длинного двухэтажного здания слева от колледжа.

— Давай помогу!

Чья-то смуглая рука в россыпи темных родинок проворно скользнула мимо и ухватилась за клетчатую ручку. Катя вздрогнула и, тут же ухватившись за вторую, потянула сумку на себя.

— Да ты чего дергаешься? Не украду, не бойся! — захотала неожиданная помощница. — Тебе ж тяжело, вон сколько набрала! Меня Вика зовут, а тебя?

— Катя...

Она подняла глаза от сумки. Вика оказалась полненькой невысокой девушкой примерно ее возраста. Гладкие черные волосы были заплетены в две толстые косы, небольшие карие глаза приветливо смотрели на Катю.

— Ну тогда пошли, Катя! Ох, ну и сумка! Что у тебя там?

— Посуда.

— Посуда — это правильно, посуда — это хорошо! Мы посуду на машине довели, еще час назад приехали с мам-папой. Как раз проводила их, и тут автобус... А ты чего одна? Тебя не провожали?

— Не провожали... — Кате стало неловко, и она пыталась сообразить, как объяснить, почему так вышло, но Вика прервала ее размышления новым вопросом.

— А ты сразу хотела поступить сюда? Или были еще варианты?

— Ну... — Катя старалась звучать беспечно. — Я хотела поступить в консерваторию на вокал. Не поступила, вот и пошла сюда.

— Интересный выбор, — опять хохотнула Вика. — Ты у нас певица, значит? А я вот в нархоз поступала. Но у меня средний балл четыре и два, а там надо...

— ...Четыре и шесть, — перебила ее Катя, вспомнив о подростках в парке.

— Точно! Так что я и не расстроилась особо, сразу сюда пошла! У моей тетки тут сын учился на тракториста, ну она мне и посоветовала. Не на тракториста, конечно, ха-ха! Я сначала хотела на бухгалтера, но потом подумала, что на ветеринара будет интереснее! Бухгалтеров вон сколько! А ветеринарам, говорят, платят хорошо! А ты на кого поступила?

— Я тоже на ветеринара. — Даже неплохо, что Катя не знала, что здесь учат еще на кого-то, кроме ветеринаров. А то окончательно запуталась бы в приемной комиссии.

— А ты тоже после одиннадцатого? Ну да, раз в консерваторию, это же вроде как институт для музыкантов. Значит, в одной группе будем!

За этими разговорами они успели дойти до общежития.

— Давай, ищи себя в списке! Вахтерше надо группу назвать, — деловито сообщила Вика, ставя сумку на землю и выпрямляясь.

Катя смотрела на список первокурсников, вывешенный на двери. По позвоночнику пробежал противный холодок. Ее фамилии на листе не было. Но почему? Она же подписала эти документы... Вдруг все-таки нужно было сдавать экзамен, а она чего-то не поняла? Пропустила? И теперь она с этой уродской сумкой поедет домой, в Барнаул. Или она не объяснила, что ей нужно общежитие, и теперь — что? Денег снимать ей квартиру в Новосибирске у мамы нет... Господи, ну как так-то, а?

— Ты чего? — Голос Вики донесся до нее как будто издалека.

— Меня тут нет... — растерянно сказала Катя, пробегая список вновь и вновь. — Не понимаю как...

— Так ты куда смотришь? — снова захохотала Вика. — На первый курс? Ты же после одиннадцатого, так? Значит, надо второй курс смотреть! Второкурсницы мы с тобой! Как твоя фамилия?

— Чернова...

— Чернова Екатерина! Вот она ты, сразу после Хорошиловой Елены! А я — вот, в серединке, Ермоленко Виктория! Кать, ну ты чего? Напугалась? Ну ты чего такая бледная? Вот она ты! Не знала, на какой курс поступила, ну ты даешь!

Катя усталилась на коротенький и толстый Викин па-лец. Он указывал прямо на ее фамилию. Список с заго-ловком «В-21» был недлинным.

— Да, в двадцать второй народу побольше. Ну, это те, которые в прошлом году после девятого поступили, не те-ряли два года в школе, — продолжала Вика, рывком откры-вая тяжелую деревянную дверь, выкрашенную синей кра-ской. — У нас пятнадцать человек... Кать, ты сумку-то бери, не стой! В общежитии из наших всего десять будут жить, а пять — здешние. Всего пятнадцать, а там аж двадцать три! Ну это даже хорошо, да? Значит, преподаватели станут с нами возиться, будет время что-то спросить, если не поймешь.

— Фамилия, номер группы? — Крошечная седая ба-бушка в махровом халате с розами выскочила из темного коридора и подбежала к вахте.

— Чернова, вз-двадцать-один! — Бодро отрапортова-ла за Катю Вика. — А она у нас еще и поет, представляете?

— Это хорошо, — усмехнулась бабушка, делая помет-ку в толстом растрепанном журнале, — пусть поет. А ты у нас активистка, Ермоленко? Поди, в старосты метишь? Вот здесь, девушка, распишитесь. За сохранность матери-альных ценностей, за распорядок и за комнату. — Она ткнула в журнал ярко-красным ногтем.

— Каких материальных ценностей? — догадалась по-интересоваться Катя, вспомнив о выговоре, устроенном ей в приемной комиссии.

— Одеяло, подушка, матрас... Ну что еще там... Что окна бить не будешь и на унитаза ногами вставать. — Ба-бушка поправила очки и недовольно усталилась на Катю. — Как положено!

— Так я одеяло и подушку с собой привезла! — Катя показала вниз, на многострадальную сумку. Та успела разъехаться по шву, и одеяло торчало из прорехи выцветшим голубым уголком.

— Вот и хорошо! Сначала распишешься, потом отнесешь мне на склад все, что не понадобилось, и снова распишешься — за сдачу имущества. Все понятно?

— Понятно, — пожала плечами Катя, ставя подпись в журнале там, где ноготь суровой бабушки выдавил отметину. Ей было непонятно, к чему такие сложности, но и ругаться в первый же день ни с кем не хотелось.

— Молодец! — Бабушка отошла в сторону, закрыв журнал. — Иди, ищи комнату, пока все хорошие места не заняли! А то вон за тобой уже очередь какая собралась.

Катя оглянулась. Несколько парней и девушек со скупящим видом стояли позади нее, сбросив рюкзаки и сумки на пол и ковыряясь в телефонах.

— Пошли! — Вика снова схватила сумку, и Кате пришлось догонять новоиспеченную подругу, чтобы уцепиться за свою ручку. — Если хочешь, давай вместе жить! Комната правда классная, вид на закат будет! Я там на второй этаж кровати залезла сразу, мама говорила мне на первый ложиться, но я люблю второй, высоко сижу — далеко гляжу, так говорят! Фу-у-ух, наконец-то лестница кончилась, аж запыхалась, не люблю лестницы! Теперь направо. Кать, смотри, в конце коридора душ, а если в туалет — то это налево. Вот хорошо, что у нас направо, меньше будет канализацией вонять, так ведь? О, вот и наша дверь, номер двести восемнадцать!

Комната оказалась именно такой, как Катя себе и представляла. Две двухъярусные кровати по обе стороны от окна.

Перед окном письменный стол и два стула, у стены, возле одной из кроватей, еще один стол и два стула. Под каждым столом угадывались по две маленькие тумбочки. Около двери прибита вешалка, напротив — раковина и что-то вроде мини-кухни: небольшой столик с электрическим чайником и настольной двухконфорочной плиткой.

— Снимай обувь, Катя, мама тут все помыла перед уходом. Смотри, как чисто! Мы спрашивали у баб Тани, это Татьяна Федоровна, вахтерша, в общем, плитку и чайник можно, если аккуратно и мы будем все прятать во время проверок. Она будет предупреждать когда. Парням не разрешают, они на кухне готовят. Кухня тут тоже есть, но сама же знаешь, общее — значит, ничье, значит, будет грязно и вечно занято! Скоро шкаф привезут. Кстати, шкаф вот здесь будет — отгораживать кровати от двери, чтобы если кто случайно зайдет... Он тут раньше был, но совсем сломался, а привезут новый. Правда здорово? Тебе какая кровать нравится?

Катя сняла босоножки, поставила их в угол и протопала к кроватям. Поразмыслив пару секунд, решительно закинула ветровку на незанятый верхний ярус.

— Вот эта! Тоже люблю высоко сидеть и далеко глядеть! — Катя радостно улыбнулась. Все страхи покинули ее. Она студентка аж второго курса, ей дали общежитие, скоро начнутся занятия!

Вика ответила на ее улыбку своей, не менее восторженной.

— Я тоже так счастлива, Катя! Ничего лучше не видела! Дома у меня никакой своей комнаты не было, да у меня

даже кровати не было, спали с младшей сестрой на раскладном диване, а мама с папой на полу, на матрасе. Он учитель, ему все обещают дать жилье побольше, но что-то никак пока. Вот я уже уехала — теперь им, глядишь, полегче станет. А тут своя кровать, настоящая, без пружин, которые в спину впиваются, да еще и без Людки...

Викин монолог прервала приоткрывшаяся за ее спиной дверь.

— Девочки, тут есть свободные места? — спросили из коридора.

— Конечно! — с готовностью откликнулась Вика, кидаясь к двери и открывая ее пошире. — Кать, ну ты чего вещи-то свои бросила? Вон, человеку пройти негде! Здравствуйте!

Катя метнулась к двери и подхватила свою разваливающуюся сумку. Вошедшая студентка явно была старше их с Викой, светловолосая, в очках, с большой спортивной торбой через плечо.

— Вы ветеринары? Вэ-двадцать-один?

— Да, — подтвердили Катя и Вика хором.

— Хорошо. Я тоже поступила. Меня зовут Надя. Какая кровать свободна?

— Обе нижние. — Катя махнула рукой в сторону кроватей.

Такая взрослая — и поступила?

— Ничего себе, — усмехнулась Надя, стаскивая ноги с кроссовки. — Вы, девочки, высоту любите? Это даже хорошо, мне после второго кесарева лазить тяжело стало: голова кружится.

Она подошла к кровати, верхний ярус которой заняла Вика, и аккуратно присела на незаправленный матрас, поставив свою торбу на пол.

— У тебя... у вас есть дети? — удивленно спросила Катя. В ее картину мира это не укладывалось. Как так — дети и вдруг студентка, общежитие... Она что, будет жить с детьми? Но здесь всего две кровати осталось!

— Есть, — улыбнулась Надя. — Васе шесть, Наташе почти четыре. Я в этом колледже училась раньше, но даже второй курс не закончила. Вышла замуж, уехала на севера. А теперь развелась и вернулась. Дети у бабушки с дедушкой, тут, в области. Васька в школу пойдет первый год, Наташу уже в садик пристроили по знакомству. А мне надо доучиться, на ноги встать. Но вы меня не стесняйтесь, я еще не старая кляча. Мне только двадцать пять. Давайте на «ты»?

— Да мы не стесняемся, — бойко вставила Вика, наливая в чайник воду из большой пластиковой бутылки. — Давай на «ты», конечно! Меня Вика зовут, а вот это Катя.

В дверь тихо постучали.

— Войдите! — громко крикнула Вика.

Через несколько секунд дверь открылась. На пороге стояла темноволосая девушка в бледно-розовой майке и джинсовых шортах. Ростом она была с Виду, но из Вики при желании можно было сделать двух таких — худых, нескладных, зажатых. Вырез майки открывал тощие ключицы и угловатые плечи, жидкая косичка была перекинута через плечо и перетянута лямкой зеленой резинкой. Большие и круглые голубые глаза растерянно оглядывали комнату, ни на чем особо не задерживаясь. У ног лежала

сумка — очевидно, девушка уже какое-то время простояла перед дверью, собираясь с духом.

— Вэ-двадцать-один? — недоверчиво спросила Вика.

— Да! — Голос был на удивление высоким и звонким, и Катя в очередной раз поразились: она ожидала услышать шепот или невнятное бормотание. А оказалось, будто кто-то изо всех сил дернул перетянутую гитарную струну.

— Тогда добро пожаловать! — Вика, уже вжившись в роль хозяйки, гостеприимно пригласила девушку в комнату. — Меня зовут Вика, это Катя, а там Надя сидит. Твоя кровать прямо под Катиной. Устраивайся поудобнее и рассказывай, кто ты, откуда и зачем!

Девушка нерешительно переступила порог и принялась снимать кроссовки. Затем, вдруг спохватившись, выскочила из комнаты в одном носке и вернулась уже с сумкой. Вика и Катя смотрели на новую соседку, ожидая, что та назовет свое имя, но она, кажется, забыла или не поняла вопрос и все возилась с застежкой баула. Наконец она вытащила оттуда поношенные голубые тапочки с мехом и переобулась. Взяла раскрытую сумку и, шлепая по вытертому линолеуму, пошла к последней свободной кровати.

В открытую дверь постучали.

— Ну как, девочки, устроились?

Катя узнала директрису Елену Алексеевну, которая принимала у нее документы, и поздоровалась. То же самое сделали Надя, Вика и худенькая девушка, причем последняя как будто немножко смутилась.

— Ну что, Кузнецова, вернулись? — приветливо обратилась к Наде Елена Алексеевна. — Я очень рада!

Вы талантливая студентка, у вас легкая рука. Надеюсь, в этот раз все получится.

— Спасибо, Елена Алексеевна! Только я теперь Савельева. Забыла спросить, вы все так же фармакологию ведете?

— Конечно, куда ж я денусь! — весело ответила директриса. — Теперь еще и руководство колледжем прибавилось, но справляюсь помаленьку. Это чье? — Посуровев, она кивнула в сторону плитки и чайника. Вика густо покраснела.

— Это мое, Елена Алексеевна! Я буду очень аккуратной, мама поговорила уже...

— Ну, раз уж мама поговорила... — усмехнулась директриса. — Ох, Ермоленко, еще поступить не успели, а уже свои порядки наводите! Татьяна Федоровна вас предупредила насчет проверок?

— Да, конечно! — Вика немного смутилась, но позиций не сдала. — Я все буду прятать в сумку, как только мне скажут! Уж очень не хочется на общей кухне возиться...

— Ладно, ладно. Чернова!

— Да? — Катя невольно выпрямилась.

— Я вам в тот раз не дала заявление на общежитие подписать. Забыла. Вы уж простите меня. — Директриса опять улыбнулась и подмигнула. — Я его за вас подписала и сдала. Все правильно сделала?

— Да, конечно! Спасибо. — Катя набралась храбрости и спросила: — А мне точно на второй курс?

— Прав был Игорь Николаич, — засмеялась Елена Алексеевна, — вы действительно не читаете, что подписываете.

Да, все выпускники одиннадцатого класса идут сразу на второй курс. Так что не волнуйтесь, все хорошо! Сейчас всей комнатой получите учебники в библиотеке, а потом гуляйте, отдохайте, можете съездить посмотреть город, кто не видел. А в понедельник приходите на занятия, у вас первой парой как раз моя фармакология. Потом анатомия, латынь и физкультура, у кого освобождение — можно будет сразу сдать преподавателю. Без освобождения девушки имеют право пропустить подряд два занятия в месяц, если кто-то не знает. А теперь быстренько доставайте тапочки, не ходите босиком! Линолеум тонкий, пол под ним бетонный.

Студентки как по команде раскрыли свои сумки. Елена Алексеевна тем временем присела на кровать девушки, которая заселилась в комнату последней.

— Ну как ты, Леночка? — тихо спросила она. — Осваиваешься?

Катя, продолжая копаться в вещах, напрягла слух.

— Все в порядке, — тем же натянутым тонким голосом ответила Леночка, доставая из сумки постельное белье.

— Я понимаю, это не то, о чем ты мечтала, — вздохнула Елена Алексеевна, — но...

— Все нормально, — повторила Леночка еще более напряженно, — это хороший вариант. Мне мама уже сто раз об этом сказала.

Елена Алексеевна грустно вздохнула.

— В любом случае, если у тебя что-то не будет получаться или что-то будет непонятно — сразу иди ко мне. Куратор вашей группы — Светлана Геннадьевна, ты ее знаешь, можешь и к ней обращаться.

Леночка промолчала, только еще ниже склонилась над сумкой.

Елена Алексеевна поднялась и снова заговорила громко:

— Куратор вашей группы — Федорова Светлана Геннадьевна. Она ведет хирургию. Надя Савельева должна ее помнить, вы учились вместе.

— Ничего себе. — Надя отвлеклась от застилания постели и повернулась к директрисе. — Это что же, Светка-крыска теперь тут преподает? Я многое пропустила...

— Прошло восемь лет, — мирно ответила Елена Алексеевна. — Я надеюсь, вы обе уже достаточно взрослые женщины, чтобы не вспоминать старые недоразумения и не портить отношения в коллективе. Все это осталось в далеком прошлом. Светлана Геннадьевна — очень хороший хирург, и для нас большая удача, что она не осталась работать в клинике при университете, а согласилась преподавать у нас, когда Виктор Степаныч вышел на пенсию. Она многому может вас научить. Давайте начнем с чистого листа, ладно?

— Ладно, — с сомнением пробормотала Надя, и Катя вдруг почувствовала, что она и правда не какая-нибудь взрослая тетка, а такая же студентка, как и она.

— Вот и хорошо! — хлопнула в ладоши Елена Алексеевна. Катя заметила, что Леночка, все еще рывшаяся в своей сумке, вздрогнула. Ей казалось, что и в сумке-то Леночка роется для вида — чтобы не продолжать диалог с директрисой. — Как разберете вещи, приходите в библиотеку. Надя вам покажет, где это. Учебники оберните в пленку, чтобы не истрепались. А потом можете ехать в город, погода сегодня отличная!

Она вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Вика, за время этого разговора успевшая разобраться вещи, кинулась к чайнику.

— О, уже закипел! Девчонки, садитесь за стол! Я пирожки привезла — с капустой, с луком и яйцом, с мясом даже есть, надо их прикончить поскорее, пока не испортились на такой жаре! Кстати, пап-мам мне пообещали купить в комнату холодильник, ну, маленький такой, у нас соседка вроде как продает. Вообще зашибись будет, да? Кать, давай свою кружку, я тебе чаю налью! Ты с малиной будешь? Надя, а ты?

— Да я сама себе налью, не волнуйся. — Надя встала и пошла к столу, держа в руке желтую высокую кружку. Из нее уже свисал на нитке ярлычок от чайного пакетика.

— А ты, Лена?

Леночка наконец подняла подозрительно красные глаза. Она, судя по всему, даже не начала раскладывать вещи — просто перебирала пальцами край старого пододеяльника, такого вылинявшего, что невозможно было различить изначальный узор на ткани.

— Я?

— Ой, Лена, ты почему плачешь? — спросила Вика и присела к ней на край кровати. — Ну ты не плачь, Лен! Ты не здесь хотела учиться, да?

Глаза Леночки опять налились слезами.

— Лен, — панической скороговоркой забормотала Вика, — смотри, я вот хотела в нархоз, но по баллам не прошла, ну почему бы и не сюда? Я даже думала на бухгалтера в колледж, чтобы потом все равно в нархоз, а потом передумала, ветеринаром же интересно быть! А вон

Катя, — Вика ткнула в Катю пальцем, — она вообще в консерваторию поступала, представляешь? И не поступила! И тоже сюда пошла! Ну что поделаешь, бывает! Может быть, потом возьмет да и поступит в консерваторию все равно! И ты... Ты куда хотела?

— В художественный институт в Красноярске, — шмыгнув носом, ответила Леночка. Ее голос теперь еще и дрожал, подтверждая сходство с гитарной струной. Машинально она ухватила пальцами за серую ниточку, висевшую у нее на шее, и вытянула из-за ворота небольшой кусок дерева. Сначала Кате показалось, что это ладанка, вроде той, которую носила на груди ее преподавательница по фортепиано, ревностная католичка. Но потом она поняла, что это просто цельный кусок дерева, причудливо изогнутый и покрытый лаком. Леночка зажала свою странную подвеску в кулаке и продолжила тем же напряженным тоненьким голосом: — Но у моих родителей нет денег, чтобы платить за жизнь в другом городе, а стипендия там небольшая... Еще же нужно краски покупать, холсты, кисточки, этюдник... Община не будет платить за обучение художника, им художник ни к чему. Поэтому мне предложили на выбор — ветеринар или швея. Шить я совсем не люблю, поэтому... вот...

Она теребила свой кулон все отчаяннее, ни на кого не глядя.

— Какая община? — удивленно спросила Вика. — Церковная?

— Церковная? — не менее удивленно отозвалась Леночка, впервые посмотрев на Вику прямо, а не искоса. — Нет, почему ты так решила? Сельская община. У нас три деревни рядом: Лебяжье, Старица и Камень. Вот из них

и получается община. Они мне дали сюда направление, заплатили за общежитие, купили все для учебы и будут выделять стипендию на еду и одежду. А я взамен должна буду пять лет отработать там ветеринаром, когда выучусь. Наш ветеринар уже совсем старенький дедушка, скоро на пенсию уйдет.

— А большие деревни-то? — подала голос Надя, сидевшая с кружкой на кровати напротив.

— Да нет, не очень. Примерно дворов пятнадцать каждая.

— И скотины много?

— Не очень... Ну, то есть в каждом дворе есть птица, у кого-то коровы, у кого-то кролики, свиньи... Вот одна женщина держит овец, их стригут и потом шерсть прядут. — Леночка явно не понимала, к чему клонит Надя.

— Получается, работы у тебя будет не очень много, — резюмировала Надя, шумно отхлебывая горячий чай. — В свободное время сможешь подготовиться, отложить денег и через пять лет рвануть в свой художественный институт.

— И мама так говорит, — вздохнула Лена, — но это ж три года здесь, пять лет там... Мне уже двадцать шесть будет.

— Ну и что? Мне вот в феврале тоже двадцать шесть будет. А я снова на втором курсе, как видишь. Двадцать шесть — это не конец жизни, уж поверь старой бабке.

Девочки рассмеялись. Засмеялась и Леночка.

— Так что вытирай слезы и кушай пирожок. — Вика вынула из сумки большую кастрюлю, обмотанную махровым полотенцем. — А я тебе чаю налью. Ты с клубничным вареньем будешь?

В город с ними Леночка не поехала. Вика и Катя, конечно, пытались ее уговорить, но Надя неожиданно их не поддержала.

— Не хочет — и не надо, что вы пристали к человеку? Пусть отдохнет, осмотрится, вещи разберет в тишине и покое. Успеете еще пообщаться.

Сама Надя, получив учебники, собралась ехать в свое Черепаново.

— Дети, — пояснила она. — Я их никогда надолго не оставляла, а теперь, получается, буду только по выходным видеть. Так что субботу-воскресенье буду с ними проводить. Дороговато ездить — ну а как иначе? Хорошо, что мои родители еще не старые, взяли такую обузу — меня с детьми...

Проводив Надю на вокзал, Вика с Катей пошли гулять по городу. Вика была из Болотного и в городе до того бывала нечасто — по пальцам одной руки можно перечесать. Катя тоже не знала ничего, кроме окрестностей автовокзала и консерватории. Поэтому они бесцельно прошатались по улицам до позднего вечера и едва успели на последний автобус до Раздольного.

Когда они вернулись в комнату, то увидели, что Леночка сидит за столом, спиной к двери. Она не то чертила, не то рисовала в большом блокноте на пружине. Когда она услышала, что кто-то зашел, то затравленно обернулась и прикрыла рукой то, чем занималась.

— Ты рисуешь? — спросила Катя, снимая босоножки с гудящих от усталости ног. — Покажешь нам?

— Ну, если хотите. — Леночка заметно напряглась, но руку все же отодвинула.

Катя только восхищенно ахнула. С белого листа на нее глянули совершенно живые глаза. Девочка-подросток, подперев щеку рукой, задумчиво смотрела вдаль и немного вверх. Волосы мягко обрамляли круглое лицо и тоненькую шею. Кого-то она Кате неувлочно напоминала.

— Ух ты!!! — завопила Вика, взглядевшись. — Ничего себе! Это кто?

— Это моя младшая сестра Марина. — Леночка явно была польщена такой восторженной реакцией. — Я ее по памяти рисовала. Хочу повесить у себя над кроватью.

— Ты ее очень любишь, наверное, — протянула Вика, разглядывая рисунок. — Я свою Людку еще бы год не видаю, а ты прямо над кроватью хочешь повесить...

— Очень люблю, — серьезно согласилась Леночка, продолжая тщательно заштриховывать локон, спадающий на плечо. — Она мне самая близкая и родная. Жалко, мы не можем учиться вместе. Она сейчас в девятый класс пошла. Я предлагала маме отправить и ее со мной, но мама не согласилась. Два ветеринара нам вроде бы и ни к чему, а бухгалтер из нее никакой: с математикой неладит. Наверное, отправят в пед. Будет учителем младших классов или предметником...

— В пед тоже неплохо! — Катя щелкнула кнопкой чайника. — У меня бабушка учительница. Правда, дети сейчас вредные пошли...

— Да они всегда вредные, — отмахнулась Вика. — Вон Людка моя. Из кого хошь душу вынет, если ей что надо... Лен, а ты нас нарисуешь?

— Нарисую, если хотите. — Леночка отвлеклась от портрета и внимательно посмотрела на Вику. — Только я сама решу, как рисовать. Ну, в какой позе.

— Только не голой! — в притворном ужасе замахала руками Вика. — Я такое никуда выложить не смогу!

— Не голой, — согласилась Леночка. — Я такое не умею, очень сложно. Вот лица я неплохо рисую, это да.

Она сделала еще пару движений карандашом и решительно отложила его. Еще немного порассматривала рисунок, словно оценивая, а затем аккуратно вырвала страницу из блокнота. Достала из своей тумбочки двусторонний скотч и тщательно прикрепила на него портрет к стене у изголовья кровати.

— А откуда ты знаешь Елену Алексеевну? — вдруг поинтересовалась Катя. Она тут же пожалела о вопросе, потому что уши у Леночки моментально покраснели.

— Она из моей деревни, — ответила та, не поворачиваясь и делая вид, что поправляет рисунок на стене. — Ну, сейчас она здесь живет. Но родом оттуда. Они с моим папой в одном классе учились.

— А-а-а, понятно, — протянула Вика, успевшая налить себе чаю и выложить на стол оставшиеся пирожки. — Значит, у тебя тут мохнатая лапа.

— Да какая мохнатая лапа. — Леночка, наконец отцепившись от рисунка, повернулась к ним лицом. Ее голос снова стал тонким и напряженным: — По-твоему, общине нужен плохой ветеринар? Они же меня для себя готовят. С меня и спросу будет больше всех, вот увидите!

— Ну да, и правда, — пожала плечами Вика. — Да ты не дергайся так, я же просто спросила. Тут, наверное, не очень сложно учиться будет, раз даже без экзаменов берут.

— Сложно. — Леночке явно было неловко за свою вспышку. — Хирургия вон одна чего стоит. А я и животных не очень люблю, если честно. Вы знали, что тут есть коровник?

Соседки дружно замотали головами.

— Вот! А он есть. И у нас будут в нем дежурства. Коровы все время гадят. И это нужно убирать. Все воняет, кругом мухи... А когда наступит зима, лепешки будут примерзать к полу! И мы будем лопатами их скрести, и так будет каждый день. А еще есть овцы, их надо стричь — ну, это по весне... И лошадь — она кусается и может дать копытами так, что голову проломит...

— Твои родители не держат скот? — догадалась Вика.

— Нет. Мама у меня как раз учительница начальных классов. Они с отцом познакомились в педу — он на физкультурном факультете учился. Подружились, поженились. Сперва жили в городе, он в футбольном клубе каком-то играл, подавал надежды... Меня родили тоже здесь, в Новосибирске. А потом отец получил травму и больше играть не смог. До сих пор хромает сильно. Мне тогда семь было. В общем, они уехали в деревню, община помогла с жильем, мама стала учительницей в нашей школе, а отец... — Она покраснела и не договорила.

— Пьет? — догадалась Катя.

— Пьет, — с усилием кивнула Леночка. — Бывает вроде терпимо — тогда его нанимают на всякие сезонные

работы. Поле пахать, дом кому-то ремонтировать или строить — ну, всякое такое. А бывает совсем плохо — тогда приходится по соседям плакаться. Община своих не бросает, конечно, но так гадко это все! Если бы он не пил, может... может...

«...Может, мне не пришлось бы идти в аграрный колледж», — додумала за нее Катя.

— Ой, да, это проблема, — вклинилась Вика. — Сейчас много мужиков пьет. Особенно в деревнях. У меня отец бросил, закодировался. Он тоже учитель, кстати: труды ведет и физкультуру. А мама работает кассиром на вокзале. У ее сестры муж капец как пьет, все из дома пропил! Даже люстру вынес! Мама ей говорит: «Уходи от него» — а та ни в какую. То фингал у нее, то два, а вот нет же — живут...

Леночка слушала и кивала. Катю после второго пирожка начало клонить в сон. Она тихонько достала из полуразобранной сумки полотенце, халат и косметичку и вышла за дверь.

В коридоре было тихо и темно. Из какой-то комнаты дальше по проходу доносились приглушенные взрывы смеха. Катя мимолетно пожалела о том, что в их комнате все слишком серьезно и уныло.

Шторы повесить еще не успели, и в незанавешенное окно у входа в душевую заглядывала большая желтая луна. Катя присела на подоконник. Как странно было ночевать в таком месте — не у подруги, не на даче, не дома... Теперь это ее новый дом — на три года. Она сама так решила. Она уже взрослая. Ну как... В начале марта будет восемнадцать. И даже можно будет замуж выходить.

Будущая жизнь виделась ей туманной. Ветеринар... Ну ладно. Муж ветеринара. Тракторист? Катя фыркнула, представив рядом с собой мускулистого, измазанного машинным маслом мужика в спецовке и каске. Или трактористы не носят касок? Они же не строители? Ну, может быть, с монтировкой? Кстати, что это такое? Наверное, какая-нибудь железная палка.

«В конце концов, до этого еще очень далеко», — сказала она себе, поднимаясь с подоконника. Как же спать хочется...

Когда она вернулась в комнату, девочки уже погасили свет. Катя забралась на свою кровать, положила полотенце на подушку, чтобы волосы сохли во сне, и закрыла глаза. Надо будет завтра попросить у... как же ее... у вахтерши штору, ну невозможно же спать...

Через секунду она уже мирно сопела.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

